

У каждого народа есть свои национальные герои: у англичан — Робин Гуд, у русских — Емельян Пугачёв, у украинцев — Устим Кармалюк и Олекса Довбуш, у марийцев — Акпарс... Есть такой национальный герой и у крымских татар — Алим. Это имя овеяно сказаниями о его смелости, отваге и человечности. Алим — историческая личность. Он себе избрал образ жизни разбойника, но не как прирождённого грабителя, а как человека, жившего в том месте, где обычные законы не соблюдались, а тем более не уважались. Алим не был лют, он избегал жестокости, а предпринимаемые им набеги проводились не только смело, но и мудро. Подобно английскому Робин Гуду, он был добрым и благородным. Отбирая у богатых, он щедро оделял бедных. Среди горцев там, где Алим совершал свои подвиги, рождались о нём легенды, слагались песни. И так всё об Алиме, Алиме — крымском Робин Гуде, народном герое.

В начале девятнадцатого века будущий разбойник Алим Азамат-оглу родился в деревне Коперли-кой (Черемисовка), что в пятнадцати километрах от Белогорска (Карасубазар). Детство его сладким не было — его в раннем возрасте отдали в услужение богатому карасубазарскому караиму, жившему в самом центре города.

Жизнь в Карасубазаре для Алима была безрадостной, но его живой ум и сообразительность выделяли его среди сверстников. Будучи озорным, с бунтарским духом, он являлся душой улицы. Как только выпадала свободная от работы минута, он непременно отпрашивался у своего хозяина — Соломона, и ноги только успевали уносить его из саманной крепости караима.

Шло время. Мужал Алим, выросла и дочь хозяина — Рахиль. Между молодыми людьми возникла взаимная симпатия. Всё чаще и чаще отец Рахили стал замечать, что его дочь поглядывает на Алима. В его душу закралась тревога: как это мне одну-единственную дочь выдать замуж за этого голодранца?

В ту пору городом управляли богатые караимы. Посоветовавшись с ними, хозяин решил избавиться от Алима. Он не спал, всё думал, как это сделать.

Однажды глубокой осенью, когда уже стало темнеть, на улице Ильинской (ныне улица имени Луначарского) показался Алим. Городовой остановил его: «Ты украл часы у хозяина?» — «Какие часы?» — возмутился Алим. «А сейчас мы проверим», — ответил городовой. И Алима повели во двор, а точнее, в ту лачугу, где он жил. Обыскав его, они начали перетряхивать постель, если её можно было назвать таковой. Полицейские стали стучать по стенкам, шарить по полкам и, наконец, решили осмотреть подоконник. О Аллах! Из-под него в присутствии понятых они извлекли серебряные часы с цепочкой. «Это ложь!» — закричал Алим, но было уже поздно: понятые подписали протокол об обыске.

Во дворе Алим во всю силу голоса крикнул: «Рахиль, я не крал часы!» Но Рахиль не могла его услышать — она уже была далеко от Карасубазара, её увезли в Бахчисарай.

Алима поместили в городскую тюрьму. Следствие велось недолго, и решением городского суда за кражу и озорство Алим был отдан в солдаты, а прощ — в арестантскую роту. По этапу его отправили в Бобруйскую крепость. Военное начальство его предупредило: «Будешь исправно себя вести — быстрее вернёшься в свой Карасубазар». Алим жил этой надеждой. Перед его глазами стояла Рахиль. Добросовестно он нёс свою нелёгкую солдатскую ношу.

Прошло четыре года. По велению коменданта крепости в Карасубазар сделали запрос, не желает ли он принять Алима, на что караимы в грубой форме ответили: «Не желает». Узнав это, Алим сказал: «Коли вы меня, честного человека, боитесь, как вора, так я буду настоящим вором!» Вскоре он из крепости бежал и прибыл в родной Карасубазар.

Вся ненависть Алима обращается на караимов. Он начинает мстить своим главным притеснителям. Алим с вождедением ждал того часа, когда он жестоко покарает своего бывшего хозяина, но месть откладывалась из-за Рахили: «Где она и как?..» Пока он раздумывал, Соломон со своей женой Сарой из Карасубазара исчез. Когда Алим об этом узнал, он чуть не потерял рассудок. В отчаянии он прыгнул на своего любимого коня

и помчался на Ак-Каю (Белая скала). Конь с лихостью вынес его на скалу. С душевной болью Алим смотрел на Карасубазар с высоты орлиного полёта и думал: «Какой несправедливый мир!»

Так Алим и не суждено было узнать о судьбе своей возлюбленной. Только и осталась от его любви к Рахили кровоточащая сердечная рана, не зажившая до конца его дней.

Главным пристанищем Алима были леса, окружавшие карасубазарскую дорогу, на которой он совершал грабежи. Особенно он любил господствующую скалу над карасубазарскими горами — Кок-Таш (Синий камень). На восходе солнца, когда ещё только первые лучи касались гор, Алим взбирался на неё и, прикрывшись поудобнее, зорко смотрел вниз за горно-лесной дорогой. Как только со стороны Феодосии появлялся на ней дорожный экипаж, он вскакивал на своего коня и во всю прыть мчался на перехват очередной добычи. Кроме того, он делал набеги и на караимские города Крыма, блокируя их. Тогда караимские купцы уже не осмеливались выезжать из Евпатории, Бахчисарая и Карасубазара. От него не спасали прочные запоры, в караимских домах он появлялся неожиданно, всегда вызывал ужас и смятение, несмотря на то, что караимы против него вооружались.

Всесилие Алима считалось сверхъестественным. Пойти против него мог тот, у кого две головы на плечах. Его считали заколдованным. С бедным карасубазарским мещанином не мог справиться никто — ни начальство, ни войско. По дорогам ходили патрули, полицаи, жандармы. Но всё было тщетно. Всячески пытались изловить Алима: подкупом, хитростью, открытой силой, а он оставался неуловим.

Как-то в сороковых годах один офицер, который занимался охотой на Алима, после очередной неудачной облавы рассказал художнику И. К. Айвазовскому: «Мы цепью окружили всю гору между Отузами (Щебетовка) и Кизил-Ташем (Краснокаменка). Разбойник скрывался в густом лесу. Его увидели наши ребята и стали стрелять в него. Конь у него молодой, серый. На голове у него серая смушковая шапка. Около восьми утра, когда наша рота, сомкнувшись, вот-вот должна была собраться в заранее намеченном месте, с вершины соседней горы раздался звучный весёлый голос: „Ура!“ Алим, как статуя неподвижный, верхом на коне, махал шапкой. Вся эта фигура рельефно выделялась на светлом фоне безоблачного неба. Только его и видели...»

Алим действовал один. Товарищей он не имел и шаек не собирал. Лучшим его другом был конь, уносивший его от преследований. Про этого быстрого скакуна рассказывали легенды. Будто бы, когда после набегов Алим где-нибудь отдыхал,

умная лошадь охраняла его крепкий сон, а в случае опасности будила своего хозяина толчком ноги. Таким образом неуловимый разбойник успевал удирать от погони.

Алима называли «летучим», потому что он заметал свой след, ухитрялся в один и тот же день совершать грабежи в противоположных концах полуострова. Утром он наносит визит в Евпаторию, а вечером он уже производит переполох в Карасу-базаре или Перекопе.

Он смело въезжал в город. Чуть ли не все обыватели, не исключая и помещиков, отлично знали его в лицо. Алим гулял на всех татарских свадьбах. Приедет с подарками к молодым, попляшет, повеселится — и был таков!

Татар Алим не боялся, знал, что они его не то что не выдают, а сами горой за него встанут. Он у них был не только героем, но и благодетелем. Бедные всегда имели от него существенную помощь. Впрочем, оказывая её, он не считался с национальностью. Алим охотно помогал всем бедным.

Когда по распоряжению властей на Алима устраивались засады, друзья заблаговременно предупреждали его об этом и спасали от ловушки. Татары его оберегали, и он на протяжении ряда лет благополучно ускользал от преследователей.

В Евпатории один офицер-пограничник как-то обмолвился в ресторане, где были и татары, что крымская полиция никуда не годится, если не может поймать одного разбойника. «Пусть бы, — говорил он, — поручили нам, пограничникам, с ним справиться, так я бы один взялся в трёхдневный срок привести его на верёвочке в тюрьму».

Это бахвальство было передано Алиму. Алим поспешил в Евпаторию и стал выслеживать этого офицера. В одно прекрасное утро офицер выезжает в коляске по направлению в Симферополь. Алим последовал за ним и, дав ему отъехать на десять вёрст от города, внезапно перегнал его в степи и остановил коляску.

Отлично говоря по-русски, Алим спросил его: «Это вы хотели привести меня на верёвочке в тюрьму?» Офицер так перепугался, что не посмел опустить руку в карман за оружием, тем более что в руках разбойника блестел пистоль. «Я спрашиваю: это вы?» — повторил Алим. «Да, я, но...» — «Да вы не бойтесь, — успокоил его Алим. — Дурного я вам не собираюсь делать. А только хочу сказать, что и посмелее вас люди ничего со мной поделаться не могли. За хвастовство ваше я не могу оставить вас безнаказанным, а поэтому, когда вернётесь в Евпаторию, зайдите в тот же ресторан и громко заявите, что Алима вы видели и он запретил вам говорить о нём так неосторожно. А если этого не

сделаете, придётся вам встретиться со мной второй раз, и тогда уж вам плохо будет». Говорили, что офицер выполнил его наказ.

Действуя как герой, Алим защищал обездоленных. Известен случай, как один симферопольский армянин запутался в долгах и принужден был уступить свою красавицу-дочь старому греку-ростовщику, владевшему его вексельями. Грек поставил ультиматум: «Или давай деньги, или выдавай за меня дочь». Долго изворачивался армянин, но поделаться ничего не мог. Пришлось согласиться на последнее. Юная армянка плакала, убивалась, но день свадьбы был назначен, и событие казалось необратимым. И тут кто-то надоумил армянина попросить заступничества у Алима.

Через посредничество татар армянин пошёл к Алиму на свидание. Алим в ту же ночь посетил ростовщика и отнял у него векселя армянина. Приказал отказаться от руки девушки. Имя Алима было так грозно, что грек исполнил его требование.

Слава об Алиме до того выросла в Крыму, что обиженные стали грозить своим обидчикам: «А вот я пожалуюсь Алиму на тебя!» И жаловались. А он чинил суд и расправу. Суд его был короток: являлся в дом обидчика и брал с него за беспокойство контрибуцию.

Однажды на большой дороге Алим остановил карету с шестёркой почтовых лошадей. В карете были генерал с дочерью, на козлах — лакей и ямщик, на лошади — другой ямщик. Алим был один на своей лошади и велел генералу выбросить бумажник. Генерал попытался уклониться от настоятельных требований разбойника. Но Алим поднял ружьё. Ямщики не шевелились, и генерал исполнил его приказ. Но он не мог пережить позора. Он поехал в Одессу и поднял шум. По приказанию военного начальства были приняты особые меры по поимке Алима.

Губернатор Крыма понимал, что сила Алима — в татарах: это они его прикрывали и оберегали. В татарские деревни стали чаще выезжать военные. За укрытие Алима налагались денежные штрафы, делалось всё, чтобы татары почувствовали, что они в ответе за действия Алима. Волостной голова селения Зуя дал слово поймать Алима. Гонялись за ним, как гончая за зайцем. Но тот, отбиваясь, отрубил одному из нападавших руку и ускакал в степь. Его преследовали, и Алим решил скрыться в Симферополе.

В городском саду, что напротив дома губернатора, он привязал коня к беседке и сам решил в ней отдохнуть.

Двадцать третьего октября 1848 года был праздник, полицейские подбирали в саду загулявших пьяниц. Наткнулись они на коня, а в беседке — и на спящего Алима. Узнав разбойника, они с трудом его связали и посадили в секретную под строгий надзор.

Около девяти месяцев провёл он в остроге, но, подговорив часового, вместе с ним бежал. Губернатор в ужасе! Все дороги Крыма перекрыты, кольцо преследователей Алима стало сужаться. На Яйле разбойник решил заночевать. Туда был послан переодетый батальон солдат. В ночь на двадцать пятое октября 1849 года в чабанском коше все пастухи были связаны, среди них оказался и Алим.

В начале декабря 1849 года Алим, в возрасте тридцати трёх лет, предстал перед судом. Петербург требовал смертной казни. Но на совести Алима не было ни одной загубленной жизни, и его судили как беглого солдата, присудив ему шесть тысяч ударов палками и ссылку в Сибирь.

Человек-легенда — это не миф и не фантазия, это реальность, и её можно подтвердить единственным прижизненным портретом Алима, написанным в симферопольской тюрьме одиннадцатого декабря 1849 года юной француженкой Леони Лелоррен. Это она подарила этот портрет госпоже Кушниковой и на своём рисунке написала: «Если когда-нибудь эти штрихи должны возбудить в вашей душе хоть малейшее воспоминание обо мне, то тогда копия сделает больше добра, чем когда-либо оригинал совершил зла».

При жизни великий маринист И. К. Айвазовский рассказывал краеведу Л. Колли, что когда Леони, закончив рисунок, готовилась уже уходить из тюремной камеры, Алим выразил желание взглянуть на её работу. Одобрив исполнение портрета, Алим обратился к художнице со следующими словами: «Уходя отсюда, ты уносишь с собой эту вещь как память обо мне. Я же остаюсь здесь с одним мысленным воспоминанием о мимолётном появлении твоём предо мною. Спасибо тебе за благосклонное внимание ко мне. Я этого не заслужил. Твои черты навсегда останутся запечатлёнными в душе моей».

На это Леони нервно сняла закреплявшую её шейный платочек золотую булавку, дрожащею от волнения рукою приколола её к отвороту халата приговорённого и направилась к выходу. «Нет,— крикнул разбойник,— в таком случае не так следует поступать, а вот как! — и, широко распахнув халат и сорочку и раскрыв грудь, вонзил он себе в грудную кость остриё булавки, переломал её пополам и вручил конец с головкой художнице, твёрдо произнеся: — Это тебе, а это,— указывая на грудь,— останется мне».

Эта последняя легенда-быль об Алиме рождена великим «Рафаэлем морей» — Иваном Константиновичем Айвазовским.